

Марк Твен

Том Сойер — сыщик

Москва
2015

УДК 82-053.2

ББК 84-4

Т26

Твен М.

Т26. Том Сойер – сыщик / Марк Твен. — Подготовка макета М: Книга по Требованию, 2015. — 64 с.

ISBN 978-5-4241-3388-6

ISBN 978-5-4241-3388-6

Содержание

Глава I. Том и Гек получают приглашение	7
Глава II. Джек Данлеп	11
Глава III. Похищение бриллиантов	15
Глава IV. Трое спящих	21
Глава V. Трагедия в роще	25
Глава VI. Как добыть бриллианты	29
Глава VII. Ночное наблюдение	35
Глава VIII. Разговор с привидением	39
Глава IX. Юпитер Данлеп найден	43
Глава X. Арест дяди Сайласа	47
Глава XI. Том Сойер разоблачает убийц	51

Необычайные события, изложенные в этой повести, не придуманы мной, они имели место в действительности, даже публичное признание подсудимого. Я взял эти факты из старого судебного процесса в Швеции, изменил действующих лиц и перенес действие в Америку. Некоторые детали я добавил, но только одна или две из них являются существенными.

М. Твен

Глава I

Том и Гек получают приглашение

Это случилось весной, на следующий год после того, как мы с Томом Сойером освободили нашего старого негра Джима, когда его, как беглого раба, посадили на цепь на ферме дяди Сайлса в Арканзасе.

Земля уже начала оттаивать, в воздухе повеяло теплом, и с каждым днем приближалось то блаженное время, когда можно будет бегать босиком, а потом начнется игра «в шарики», «в чижика», можно будет гонять обруч, запускать воздушного змея, — а там, глядишь, уже и лето, и можно купаться. Любой мальчишка в эту пору начинает тосковать и считать дни до лета. В такое время вздыхаешь, грустишь и сам не знаешь, что с тобой творится. Просто места себе не находишь — хандришь, задумываешься о чем-то, и больше всего хочется уйти, чтобы никто тебя не видел, забраться на холм, куда-нибудь на опушку леса, сидеть там и смотреть вдали на Миссисипи, которая катит свои воды далеко-далеко, на много миль, где леса окутаны словно дымкой и так все вокруг — торжественно, что кажется, будто все, кого ты любишь, умерли, и самому тебе тоже хочется умереть и уйти из этого мира.

Вы, конечно, знаете, что это такое? Это весенняя лихорадка. Вот как это называется. И если уж вы подхватили ее, вам хочется — вы даже сами не знаете, чего именно, — но так хочется, что просто сердце щемит. Если разобраться, то, пожалуй, больше всего вам хочется уехать, уехать от одних и тех же знакомых вам мест, которые вы видите каждый день и которые уже осточертели вам; уехать, чтобы увидеть что-нибудь новенькое. Вот что вам хочется — уехать и стать путешественником, вас тянет в далекие страны, где все так таинственно, удивительно и романтично. Ну а если вы не можете сделать это, то вы согласны и на меньшее: уехать туда, куда возможно, — и на том спасибо.

Так вот, мы с Томом Сойером заболели этой весенней лихорадкой в самой тяжелой форме. Но нечего было и думать, что Тому удастся удрать куда-нибудь, потому что, как он сам объяснил, тетя Полли никогда не позволит ему бросить школу и шататься без дела. Так что настроение у нас с Томом было самое унылое. Сидели мы так однажды вечером на крыльце и болтали, как вдруг выходит тетя Полли с письмом в руке и говорит:

— Том, придется тебе собираться и ехать в Арканзас. Ты зачем-то понадобился тете Салли.

Я чуть не подпрыгнул от радости. Я был уверен, что Том тут же бросится к тетке и задушит ее в объятиях, а он (вы подумайте только) сидел неподвижно, как скала, не вымолвив ни единого слова. Я чуть не заплакал

от злости, что он ведет себя как дурак, когда представляется такая замечательная возможность.

Ведь все может погибнуть, если он заговорит и не покажет, как он счастлив и благодарен ей. А Том сидел и раздумывал, пока я от отчаяния уже не знал, что и делать. Наконец он заговорил, да так спокойно, что я просто застрелил бы ею, если бы мог.

— Очень жаль, тетя Полли, — сказал он, — ты меня извини, только я сейчас не могу поехать.

Тетя Полли была так огорожена этой хладнокровной дерзостью, что по крайней мере на полминуты лишилась дара речи, а я воспользовался этой передышкой, чтобы подтолкнуть Тома локтем и прошипеть:

— Ты что, с ума сошел? Разве можно упускать такой случай? Но Том даже глазом не моргнул и только шепнул мне в ответ:

— Гек Финн, неужели ты хочешь, чтобы я показал ей, до чего мне хочется поехать? Она тут же начнет сомневаться, воображать всевозможные болезни, опасности, придумывать всякие возражения — и кончится тем, что она передумает. Предоставь это дело мне, я знаю как с ней обращаться.

Мне все это, конечно, и в голову не пришло бы. Однако Том был прав. Вообще Том Сойер всегда оказывается прав — второй такой головы я не видывал, — всегда знает, что к чему, и готов к любой случайности.

Тетя Полли пришла наконец в себя и напустилась на Тома:

— Извинить его! Он не может! Да я в жизни ничего подобного не слышала! Да как тебе в голову пришло так разговаривать со мной! Немедленно убирайся отсюда иди укладывать свои вещи. И если я еще раз услышу хоть слово о том, что ты можешь и что нет, то ты увидишь, как я тебя извиню розгой!

Мы помчались в дом, но она успела щелкнуть Тома наперстком по голове, и Том, взлетая по лестнице, притворялся, что хнычет от боли. Очутившись наверху, в своей комнате, Том бросился обнимать меня; он был вне себя от счастья — ведь ему предстояло путешествие! Он сказал мне:

— Мы еще и уехать не успеем, как она начнет жалеть, что отпускает меня, но будет уже поздно. Гордость не позволит ей взять свои слова обратно.

Том собрал вещи в десять минут, — все, кроме тех, которые предстояло укладывать тете Полли и Мэри. Потом мы выждали еще десять минут, чтобы тетя Полли успела остыть и вновь стать милой и доброй. Том объяснил мне, что ей требуется не менее десяти минут, чтобы успокоиться, в том случае если она наполовину выведена из себя, и двадцать минут — когда возмущены все ее чувства; а на этот раз они были возмущены все до единого. Затем мы спустились вниз, сгорая от любопытства и желания узнать, что же написано в письме.

Тетя Полли сидела в мрачной задумчивости, письмо лежало у нее на коленях. Мы присели, и она сказала:

— У них там какие-то серьезные неприятности, и они думают, что ты и Гек поможете им отвлечься, «успокоите» их, как они пишут. Представляю себе, как вы с Геком Финном «успокоите» их! У них есть сосед по имени Брейс Данлеп, который месяца три ухаживал за Бенни, и наконец они наотрез отказали ему. Теперь он злится на них, и это их очень волнует. Как мне кажется, они считают, что он такой человек, с которым лучше не ссориться, и поэтому они стараются всячески ублаготворить его. Они наняли его никчёмного братца в работники, хотя у них нет лишних денег и вообще он им совсем не нужен. Кто такие эти Данлепы?

— Они живут в миle от фермы дяди Сайласа и тети Салли. Там все фермы приблизительно в миle друг от друга. А Брейс Данлеп — самый большой богач во всей округе, и у него целая куча негров. Он вдовец, тридцати шести лет, детей у него нет; он ужасно гордится своими деньгами и очень любит всеми командовать, и все его немного побаиваются. По-моему, он просто уверен, что стоит ему только захотеть, и любая девушка с радостью пойдет за него замуж. И то, что он получил отказ от Бенни, конечно, должно было взбесить его. Ведь он вдвое старше Бенни, а она такая милая и такая красивая, — ну вы ведь сами видели ее. Бедный дядя Сайлес, подумать только, с чем ему приходится мириться; ему и так тяжело, а он еще должен нанимать этого бездельника Юпитера Даялена только ради того, чтобы угодить его братцу.

— Что это еще за имя — Юпитер? Откуда оно взялось?

— Да это просто прозвище. По-моему, все давным-давно забыли его настоящее имя. Ему сейчас двадцать семь лет, а зовут его так с тех пор, как он впервые пошел купаться. Он разделся, и учитель увидел у него над коленом коричневую родинку величиной с десятицентовую монету, окруженную еще четырьмя маленькими родинками, и сказал, что они похожи на Юпитера и его спутников.

Мальчишкам это показалось очень смешным, и они стали называть его Юпитером. Так он и остался Юпитером. Он высокий, ленивый, хитрый, трусливый, а в общем — довольно добродушный парень. У него длинные каштановые волосы, а борода у него не растет. У него никогда нет ни цента, Брейс кормит его, дает ему свою старую одежду и ни в грош не ставит. А вообще у Юпитера был еще один брат — близнец.

— А какой он?

— Говорят, точная копия Юпитера. Во всяком случае, был таким; только он вот уже семь лет как пропал. Он начал воровать, когда ему было лет девятнадцать — двадцать, и его засадили в тюрьму. А он удрал и исчез — скрылся куда-то на север. Иногда до них доходили слухи, что он занимается воровством и грабежами, но это было давно. Теперь он уже помер. Во всяком случае, они так говорят. Они ничего о нем с тех пор не слышали.

— А как его звали?

— Джек. Наступило длительное молчание — тетя Полли думала.

Наконец она сказала:

— Тетя Салли больше всего беспокоит то, что этот Юпитер доводит дядю до бешенства.

Том очень удивился, да и я тоже.

— До бешенства? Дядю Сайласа? Убей меня бог, тетя, вы шутите! Я не представляю себе, чтобы его вообще можно было рассердить.

— Во всяком случае, тетя Салли пишет, что этот Юпитер доводит дядю просто до бешенства. Временами дядя доходит до того, что может ударить Юпитера.

— Тетя Полли, этого не может быть. Дядя Сайллас мягок, как каша.

— И все-таки тетя Салли волнуется. Она пишет, что из-за этих ссор дядя Сайллас совершенно переменился.

Все соседи уже говорят об этом и, конечно, обвиняют дядю Сайласа, потому что он проповедник и не должен ссориться. Тетя Салли пишет, что ему так стыдно, что он с трудом заставляет себя читать проповеди; и все стали хуже к нему относиться, и его теперь любят гораздо меньше, чем раньше.

— Ну и дела! Вы ведь знаете, тетя Полли, дядя Сайллас всегда был таким добрым, таким рассеянным, не от мира сего — ну просто как ангел! И что с ним произошла, ума не приложу!